

Флеминг Ян

Квант спокойствия

Джеймс Бонд сказал:

- Я всегда думал, что если когда-нибудь и женюсь, то женюсь на стюардессе.

Обед был достаточно скучный, и теперь, когда два других гостя ушли в сопровождении своих людей, чтобы успеть на самолет, губернатор и Бонд остались одни в большой гостиной административного здания, меблированной мягкой мебелью. Они пытались завязать разговор. У Бонда было острое ощущение нелепости происходящего. Ему всегда было неудобно сидеть на мягких подушках. Он предпочитал сидеть в кресле, обитым чем-нибудь жестким, ногами упираясь в пол. И он чувствовал себя глупо, сидя со старым холостяком на этом диване из розового ситца, уставившись на кофе и ликеры, стоящие на низком столике между их вытянутыми ногами. Было в этой ситуации что-то излишне приятельское, интимное, даже женское, а потому и неуместное.

Бонд не любил Нассау. Все там были слишком богаты. Зимние гости и местные жители, которые имели свои дома на острове, говорили только о деньгах, своих болезнях и о проблемах с прислужгой. Они даже не умели как следует сплетничать. Не о чем было сплетничать. Все это зимнее сборище было слишком старым для любовных дел и, как большинство богатых людей, слишком осторожным, чтобы сказать какую-нибудь глупость о своих соседях. Миллеры, пара, которая только что ушла, были типичными - приятный, но скучноватый канадский миллионер, который давно начал бизнес по добыче естественного газа и так и остался в нем, и его миленькая болтушка жена.

Она как будто бы была англичанкой. Сидя рядом с Бондом, она оживленно болтала о том, какие спектакли он недавно видел в Лондоне, и не кажется ли ему, что ресторан "Савой Гриль" самое приятное место для ужина. Там можно встретить так много интересных людей - актрис и тому подобное. Бонд приложил все свои усилия, чтобы поддержать разговор, но поскольку он не был в театре уже в течение двух лет, да и в Лондон поехал только потому, что туда направился человек, за которым он следил в Вене, ему пришлось положиться на свои давнишние воспоминания о ночной жизни Лондона, которые как-то не вязались с воспоминаниями миссис Гарвей Миллер.

Бонд знал, что губернатор пригласил его на обед по долгу службы. Бонд был в колонии уже неделю и на следующий день собирался уезжать в Майами. Это была обычная работа по расследованию. Оружие поступало к повстанцам Кастро на Кубе со всех соседних территорий, в основном из Майами и через Мексиканский пролив, но когда американская береговая охрана захватила две большие партии, сторонники Кастро обратились к Ямайке и Багамским островам как возможным базам. Бонда направили из Лондона, чтобы положить этому конец. Ему не хотелось выполнять это задание. Дело в том, что лично он симпатизировал повстанцам. Но у правительства была большая программа по закупкам кубинского сахара, причем в количествах, больших, чем хотелось бы экспортировать Кубе, и при одном небольшом условии: Великобритания не должна была оказывать помощь или содействие кубинским повстанцам. Бонд узнал о двух больших морских судах, оборудованных для этой работы, и чтобы арестами не вызвать инцидента, темной ночью пробрался к ним на полицейском катере. С палубы неосвещенного катера Бонд забросил на каждое судно через открытые иллюминаторы по термитной бомбе и, отплыв быстро и на большой скорости, наблюдал за пожаром на расстоянии. Конечно, страховым компаниям не повезло, но все обошлось без человеческих жертв, и он быстро и

аккуратно сделал то, о чем ему говорил М.

Насколько Бонду было известно, никто в колонии, кроме шефа полиции и двух офицеров, не знал, кто вызвал эти два эффектных, а для тех, кто знал, своевременных пожара на рейде. Бонд докладывал только М, в Лондон. Он не хотел ставить губернатора в неловкое положение - по мнению Бонда, его можно было легко смутить. Действительно, было бы неразумно рассказывать ему о преступлении, которое могло стать предметом обсуждения в законодательном совете. Но губернатор был не дурак. Он знал о цели визита Бонда в колонию, и в тот вечер Бонд почувствовал в губернаторе, по его скованной улыбке и какой-то защитной реакции, неприязнь миролюбивого человека к насилию.

Все это не могло не оказать влияния на ход обеда, и потребовались значительные усилия, фонтан слов со стороны трудолюбивого помощника, чтобы вечер хоть как-то получился.

Теперь было 9.30, и губернатору и Бонду нужно было провести по этикету вместе еще один час, прежде чем они могли уйти спать с благодарностью и утешительной мыслью, что больше они никогда не увидят друг друга. Не потому, что Бонд имел что-то против губернатора. Губернатор принадлежал к обычному типу людей, каких Бонд часто встречал по всему свету: сильный, надежный, знающий, трезвый и справедливый - лучший тип колониальных гражданских чиновников. Он прочно занимал менее значительные посты в течение тридцати лет, пока вокруг распадалась империя, был компетентен и предан делу и теперь, как раз вовремя, постепенно продвигаясь и избегая скандалов, достиг вершины. Через год или два он стал бы кавалером ордена Бани 1-й степени и потом удалился бы на пенсию в Годалминг, или Челтенхем, или в Танбридж-Уэлс. У него остались бы только воспоминания о таких местах, как отошедший по перемирию Оман, Ливардские острова, Британская Гвиана, о которых ни один член местного клуба игроков в гольф не слышал и не думал. И все-таки, размышлял Бонд в этот вечер, сколько маленьких драм, таких, как, например, повстанцы Кастро, губернатор наблюдал и к скольким был причастен. Как много он знал о шахматной доске малой политики, о скандальных историях из жизни заграничных колоний, о людских секретах, хранящихся в папках правительственных учреждений во всех уголках мира. Но как расшевелить этот негибкий и абстрактный ум? Ему бы, Джеймсу Бонду, которого губернатор, очевидно, считал опасным человеком и возможным источником неприятностей для своей карьеры, найти хоть один интересный факт или случай, чтобы этот вечер не был такой бесполезной тратой времени. Беззаботная и не совсем правдивая ремарка Бонда о женитьбе на стюардессе была сделана в конце несвязного разговора о полетах, неизбежно возникшего после отъезда четы Миллеров, которые торопились на самолет, улетающий в Монреаль. Губернатор сказал, что Британская авиатранспортная компания осуществляет львиную часть американских перевозок в Нассау, так как эта служба организована великолепно, хотя ее самолеты и вылетают на полчаса позже из Айдлуайлда. Бонд заметил на это, ненавидя себя за свою банальность, что он предпочитает летать медленнее, но с комфортом, чем быстро, но без удобств. Именно тогда он высказался о стюардессах.

- Действительно, - произнес губернатор вежливо и сдержанно. Бонд молил о том, чтобы этот голос расслабился и стал человеческим. - Почему?

- О, я не знаю. Это прекрасно, когда хорошенькая девушка заботится о вас, приносит напитки, горячую еду и спрашивает, все ли у вас есть. А стюардессы всегда улыбаются и стараются угодить. Если я не найду стюардессу, мне ничего не останется делать, как жениться на японке. По-моему, у них тоже правильное отношение. - Бонд вообще не собирался жениться. А если бы и женился, то это, конечно, не была бы серенькая рабыня. Просто он хотел позабавить или разозлить губернатора и таким образом втянуть его в обсуждение какой-нибудь человеческой

темы.

- Я ничего не могу сказать по поводу японских женщин, но, думаю, вы понимаете, что стюардессы просто обучены угождать и могут быть совершенно другими вне работы, так сказать. - Высказывание губернатора было здравомыслящим и разумным.

- Поскольку я действительно не интересуюсь женитьбой, то этим вопросом и не занимался, - заметил Бонд.

Наступила пауза. Сигара у губернатора погасла. Минуту или две он разжигал ее, а когда заговорил, Бонду показалось, что даже в тоне его появились признаки жизни, интереса. Губернатор сказал:

- Когда-то я знал человека, у которого были такие же мысли, как у вас. Он влюбился в стюардессу и женился на ней. Да, довольно интересная история. Я думаю, - губернатор взглянул сбоку на Бонда и примиряюще рассмеялся, - вы видите довольно много темных сторон жизни. Эта история может показаться вам скучной. Хотите услышать ее?

- Очень. - Бонд постарался ответить с энтузиазмом. Он сомневался, что представление губернатора о темных сторонах жизни совпадает с его представлением, но по крайней мере это избавит его от глупого разговора. А теперь можно уйти с этого ужасно надоевшего дивана.

- Можно мне еще бренди? - Он встал, налил себе чуть-чуть бренди и вместо того, чтобы вернуться на диван, подвинул стул и сел наискосок от губернатора по другую сторону подноса с напитками.

Губернатор внимательно посмотрел на конец сигары, быстро затянулся и повернул ее вертикально, чтобы не падал пепел. Пока он рассказывал историю, он все время смотрел на пепел и говорил так, будто рассказывал это тоненькой струйке голубоватого дыма, которая поднималась и быстро исчезала в горячем влажном воздухе.

Он сказал осторожно:

- С этим человеком - я буду называть его Мастерсом, Филиппом Мастерсом - я служил почти в одно и то же время. Я его опережал на год. Он поехал в Феттес, получил право на стипендию в Оксфорде - название колледжа не имеет значения и потом подал заявление в колониальную службу. Он не отличался особым умом, но был работающим и способным. Это тип человека, который производит хорошее впечатление на членов комиссии, проводящей собеседование при приеме на работу. Его приняли на службу. Первый его пост был в Нигерии. Он преуспел там. Ему нравились местные жители, и он хорошо с ними ладил. Придерживался он либеральных взглядов и, хотя с ними не братался, - губернатор криво улыбнулся, - в то время это могло принести ему неприятности от вышестоящего начальства, был к ним терпим и человечен. Для нигерийцев это было довольно неожиданно.

Губернатор сделал паузу и затянулся. Пепел чуть было не упал, но он осторожно наклонился над подносом с напитками и сбросил пепел в кофейную чашку. Откинулся назад и впервые посмотрел на Бонда.

- Осмелюсь сказать, что этот молодой человек испытывал к местным жителям такое же чувство, какое испытывают его сверстники к лицам противоположного пола. К сожалению, Филипп Мастерс был робким и довольно неуклюжим молодым человеком, он никогда не имел успеха в этом направлении. Если он не готовился к очередному экзамену, то играл в хоккей за команду своего колледжа или участвовал в гребных состязаниях в третьей восьмерке. Во время каникул жил у тети в Уэльсе и ходил в горы с членами местного клуба. Родители его разошлись, между прочим, когда он еще учился в частной школе, и, хотя он был единственным ребенком, перестали о нем заботиться, как только он поступил в Оксфорд; получал он стипендию и небольшое содержание. Так что у него оставалось очень мало времени

на развлечения, да и никто не брал на себя смелость познакомить его с какой-либо девушкой. Его жизнь была лишена эмоционального аспекта, такой образ жизни был нездоровым, он достался ему в наследство от викторианской эпохи. Зная все это, я предполагаю, что его дружеские отношения с цветным населением Нигерии были своего рода компенсацией, за которую ухватилась горячая и полнокровная натура, истосковавшаяся по человеческой привязанности и нашедшая ее теперь в этих простых и добрых людях.

Бонд прервал довольно торжественное повествование:

- Единственная проблема с красивыми негритянскими женщинами, - это то, что они ничего не знают о предохранении. Надеюсь, ему удалось не попасть в историю подобного рода.

Губернатор поднял руку. В его голосе прозвучала неприязнь к тому, что Бонд все свел к слишком приземленным понятиям.

- Нет, нет. Вы не поняли меня. Я не говорю о сексе. Молодому человеку никогда бы не пришло в голову иметь такие отношения с цветной девушкой. К сожалению, он ничего не знал о сексуальных отношениях. Это не очень редкое явление даже сегодня среди молодых людей в Англии, но очень распространенное в те дни, и причина, я надеюсь, вы согласитесь со мной, в огромном количестве неудавшихся браков и других трагедий. Бонд кивнул.

- Я так долго говорю об этом молодом человеке, чтобы показать вам, что то, что произошло, случилось с разочарованным, невинным молодым человеком, с теплым, но неразбуженным сердцем. Он был неопытен в жизни, и именно это заставило его искать дружбу и любовь у негров, а не в своем собственном мире. В общем, это был чувствительный, неприспособленный человек, физически непривлекательный, но во всех других отношениях здоровый и способный гражданин.

Бонд глотнул бренди и вытянул ноги. Ему нравилась история. Губернатор рассказывал ее в несколько старомодном повествовательном стиле, что делало ее похожей на правду.

Губернатор продолжал:

- Служба молодого Мастерса в Нигерии совпала с первым лейбористским правительством. Если вы помните, первое, с чего они начали, это реформа зарубежных служб. В Нигерию приехал новый губернатор, придерживавшийся передовых взглядов на проблемы местного населения. Он был приятно удивлен и обрадован, когда узнал, что один из младших чиновников его персонала уже проводил в жизнь в своем скромном масштабе что-то похожее на его собственные взгляды. Губернатор поддержал Филиппа Мастерса, возлагая на него обязанности, которые были выше его статуса. В положенный срок, когда Мастерс должен был получить повышение, губернатор написал ему такую блестящую характеристику, что Мастерс перепрыгнул через ранг и его перевели на Бермуды на должность помощника правительственного секретаря.

Губернатор посмотрел сквозь дым на Бонда. Он сказал, как бы извиняясь:

- Надеюсь, что вас это не очень утомило. Я скоро уже подойду к самому главному.

- Мне на самом деле очень интересно. Кажется, я уже хорошо представляю этого человека. Вы, должно быть, неплохо знали его.

Губернатор заколебался:

- Еще лучше я узнал его на Бермудах. Я был выше его по рангу, он непосредственно подчинялся мне. Однако мы пока еще не дошли до Бермудов. В то время самолеты только начинали летать в Африку, и Филипп Мастерс решил лететь домой в Лондон самолетом, в этом случае он провел бы большее время дома, чем если бы поплыл пароходом из Фритауна. Он отправился поездом в Найроби и успел на рейс Британской авиакомпания, предшественницы БОАК, который летал раз в

неделю. Никогда раньше он самолетом не летал, и ему было интересно. Но он слегка понервничал, когда самолет поднимался в воздух и стюардесса, очень хорошенькая, как он успел заметить, дала ему леденец и показала, как пристегнуть ремень. Когда самолет пришел в горизонтальное положение, молодой человек обнаружил, что летать совсем не так страшно, как он предполагал. Стюардесса прошла по почти пустому салону. Она улыбнулась ему:

"Вы можете расстегнуться теперь".

И когда он стал неловко возиться с пряжкой, она наклонилась и расстегнула ее. Этот жест был несколько интимным. Мастерс никогда в жизни не оказывался так близко к женщине своего возраста. Покраснев и почувствовав необычайное смущение, он поблагодарил ее. Она довольно кокетливо улыбнулась его смущению и села на ручку свободного кресла через проход и стала расспрашивать, откуда он и куда направляется. Он ответил ей. В свою очередь он спросил о самолете, о том, как быстро они летели, где будут делать остановку и тому подобное. Он обнаружил, что с ней очень легко разговаривать и что она была почти ослепительно хороша. Он был удивлен той легкости, с которой она с ним обходилась, и тому явному интересу, который она проявляла ко всему, что он рассказывал об Африке. По-видимому, ей казалось, что его жизнь была более интересной и шикарной, чем он сам думал. Она заставила его почувствовать себя важным. Когда она ушла, чтобы помочь двум стюардессам приготовить обед, он сидел, думая о ней, и эти мысли вызвали у него трепет. Когда он попытался читать, то не смог сосредоточиться на странице - все время искал ее глазами. Один раз она поймала его взгляд и, как ему показалось, тайком ему улыбнулась. Эта улыбка как будто бы говорила, что мы единственные молодые люди на самолете. Мы понимаем друг друга. У нас одни и те же интересы.

Филипп Мастерс смотрел в окно и видел ее в море белых облаков. Мысленно он ее тщательно изучал, восхищаясь ее совершенством. Она была маленькая, с бело-розовым цветом кожи, со светлыми волосами, уложенными в пучок. (Ему особенно нравился пучок, который предполагал, что она не была легкого поведения.) У нее были ярко-вишневые улыбающиеся губы и голубые глаза, сверкающие задорным весельем. Зная Уэльс, он предполагал, что в ней течет уэльская кровь. И это подтвердило ее имя - Рода Плеуэллин, которое он увидел в конце списка экипажа, висевшего над журнальной полкой у туалета, когда пошел мыть руки перед обедом. Он серьезно размышлял о ней. Она будет рядом с ним почти два дня, где еще он сможет ее увидеть? Должно быть, у нее сотни поклонников. Она может быть даже замужем. Она все время летает? Сколько у нее выходных дней между полетами? Будет ли она смеяться над ним, если он пригласит ее на обед или в театр? Может ли она пожаловаться командиру экипажа, что один из пассажиров весьма дерзок? Мастерс вдруг мысленно представил себе, как его снимают с самолета в Адене, посылают жалобу в министерство по делам колоний, и его карьера кончена.

Наступил обед, и с ним появилась новая уверенность. Когда она ставила маленький поднос, ее волосы коснулись его щеки. Мастерсу казалось, что к нему прикоснулся оголенный электрический провод. Она показала, как управиться со сложным маленьким целлофановым пакетом, как снять крышку с салатного соуса. Она сказала ему, что сладкое было особенно вкусным - кекс с толстым слоем фруктов. В общем, она суежилась вокруг него, и Мастерс не мог вспомнить, было ли с ним такое раньше, даже когда его мать ухаживала за ним еще в детском возрасте.

В конце полета, когда вспотевший Мастерс собрал все свое мужество, чтобы пригласить ее к обеду и она с готовностью согласилась, последовала разрядка напряжения. Через месяц она ушла из Британской авиакомпании, и они поженились. А еще через месяц отпуск Мастерса окончился, и они поплыли на Бермуды. Здесь Бонд произнес:

- Я предполагаю самое худшее. Она вышла за него замуж, потому что его жизнь

казалась ей прекрасной и чудесной. Ей понравилась мысль о том, что она будет королевой на приемах в правительственном учреждении. Думаю, что Мастерсу пришлось ее убить в конечном счете.

- Нет, - мягко ответил губернатор. - Но осмелюсь сказать, что вы правы относительно причин ее замужества. Именно они, а также усталость от тяжелой и опасной работы. Возможно, она действительно хотела попытать счастья, и когда молодая пара приехала и поселилась в своем домике на окраине Гамильтона, Рода произвела на нас благоприятное впечатление своей жизнерадостностью, хорошеньким лицом и тем, как она старалась быть любезной со всеми. И, конечно, Мастерс изменился. Жизнь стала для него сказкой. Было даже как-то грустно наблюдать, как он пытался прихорашиваться, чтобы быть достойным ее. Он стал обращать внимание на свою одежду, начал мазать волосы бриллиантином, даже отрастил усы, какие обычно носили военные, потому что она полагала, что это придает изысканность. В конце дня он обычно торопился домой, и всегда было: Рода это, Рода то, и когда, вы думаете, леди Берфорд, жена губернатора, пригласит Роду на завтрак?

Он очень много работал, и всем нравилась молодая пара, и все шло прекрасно месяцев шесть или что-то около этого. Потом, как я теперь догадываюсь, случайные слова стали разъедать счастливую жизнь в маленьком доме, как кислота. Вы можете представить себе: "Почему жена секретаря по колониальным вопросам не берет меня с собой в магазины? Когда еще мы можем устроить коктейльный прием? Ты знаешь, мы не можем позволить иметь ребенка. Здесь ужасно скучно, нечего делать весь день. Когда тебе положено повышение? Тебе придется заняться обедом сегодня вечером. Мне просто надоело. Ты так интересно проводишь время. Тебе хорошо" - и так далее и тому подобное. И, конечно, все ласки быстро оказались за бортом. Теперь именно Мастерс приносил стюардессе завтрак в постель до ухода на работу, и он был очень рад это делать. Именно Мастерс убирался в доме, когда приходил вечером и видел пепел от сигарет и шоколадные обертки, разбросанные по всему дому. Мастерсу пришлось бросить курить, отказаться от редкой выпивки и покупать ей новые платья, чтобы она выглядела не хуже других жен. Кое-что из этого становилось заметным, во всяком случае для меня, ведь я хорошо знал его по секретариату. Постоянно озабоченный вид, резкий, загадочный, слишком заботливый телефонный разговор в рабочее время, десять минут, украденные в конце рабочего дня, чтобы отвезти Роду в кино, и, конечно, время от времени полушутливые вопросы о женитьбе вообще: "Чем другие жены занимаются весь день? Не очень ли здесь жарко женщинам? Мне кажется, что женщины (он чуть не добавил: "Господи, помилуй их") выходят из себя быстрее, чем мужчины". И тому подобное. Проблема или, по крайней мере, большая ее часть состояла в том, что Мастерс жил, как в тумане. Рода была для него и солнцем, и луной, и, если ей было грустно или тревожно, виноват в этом был он. Стремясь сделать ее счастливой, он отчаянно подыскивал, чем бы она могла заняться, и наконец остановился или скорее они остановились на гольфе. Гольф очень моден на Бермудах. Есть несколько прекрасных площадок - включая известный Среднеокеанский клуб, где играет высшее общество, которое потом собирается вместе поболтать и выпить. Это было как раз то, что она хотела, модные занятия и высшее общество. Бог знает, как Мастерсу удалось скопить денег, чтобы стать членом клуба, купить ей биту, платить за уроки и за все остальное; но ему как-то все удалось, и это был огромный успех. Она стала проводить все дни в клубе. Много работала во время занятий и добилась успеха. Благодаря небольшим соревнованиям и ежемесячным наградам она познакомилась с людьми и через шесть месяцев не только играла в эту респектабельную игру, но и стала любимицей мужчин, членов клуба. Меня это не удивило. Я помню, что видел ее там время от времени: прекрасная загорелая маленькая фигурка в очень коротеньких шортах, в

белой кепочке с зеленым ободком. У нее была элегантная твердая походка, которая очень шла ее фигуре. И как однажды губернатор, подмигнув, сказал: "Поверьте же, она самая хорошенькая, кого я когда-либо видел на занятиях гольфом". Конечно, следующий шаг не заставил себя долго ждать. Были организованы соревнования двух смешанных пар. Ее партнером стал старший сын Таттерсалов, ведущих торговцев Гамильтона, которые входили в правящую верхушку бермудского общества. Это был молодой озорник, чертовски красивый, прекрасный пловец и начинающий игрок в гольф, у него была спортивная яхта и все, что только может иметь богатый человек. Вы знаете этот тип. Имел всех девочек, каких хотел, и, если они не ложились с ним в постель сразу, они не катались на яхте и не проводили вечера в местных ночных клубах. Так вот, эта пара после тяжелой борьбы в финальной игре одержала победу в том соревновании, и Филипп Мастерс приветствовал их, находясь в толпе, собравшейся у восемнадцатого поля. Единственный раз в своей жизни он так радовался в течение всего дня.

Почти сразу же она начала встречаться с молодым Таттерсалом, а начав, уже не могла остановиться. И поверьте мне, мистер Бонд, - губернатор сжал кулак и мягко опустил его на край стола, - было ужасно все это видеть. Она даже не делала ни малейшей попытки смягчить удар или как-то скрывать этот роман. Она буквально взяла молодого Таттерсала и била им Мастерса в лицо. Она продолжала наносить удары. Приходила домой в любое время ночи - она настояла, чтобы Мастерс переехал в свободную комнату под тем предлогом, что спать вместе было очень жарко, и если она когда-нибудь убиралась или готовила ему еду, то это было лишь соблюдение хоть каких-то приличий. Конечно, месяц спустя вся эта история стала достоянием публики, и у бедного Мастерса были теперь самые большие рога в колонии. Наконец леди Берфорд вмешалась и поговорила с Родой Мастерс, сказав, что она портит карьеру мужа и тому подобное. Но беда была в том, что леди Берфорд считала Мастерса хорошенькой, скучной собакой, и, поскольку когда-то в юности она совершала рискованные проделки и до сих пор сохранила красоту и огонек в глазах, она была слишком снисходительна к Роде. Конечно, сам Мастерс, как он мне позднее рассказывал, прошел через ужасные испытания - увещевания, страшные ссоры, бешеный гнев, ярость (он рассказал мне, что однажды ночью он ее чуть не задушил) и наконец холодное отчуждение и замкнутое страдание. - Губернатор остановился. - Я не знаю, видели ли вы, мистер Бонд, как разбивают сердце, разбивают медленно и целеустремленно. Это как раз то, что происходило с Филиппом Мастерсом, и наблюдать за этим было просто страшно. Он был человеком, у которого в душе был рай, и через год после его приезда в Бермуды этот рай превратился в ад. Конечно, я постарался делать все, что мог, мы все старались каждый по-своему, но поскольку это произошло на восемнадцатой площадке клуба, ничего не оставалось делать, как попытаться помочь ему. Мастерс был похож в то время на раненую собаку. Он просто забился от нас в угол и рычал на любого, кто пытался приблизиться к нему. Я даже написал ему одно или два письма. Позже он сказал мне, что разорвал их, не читая. Однажды мы, несколько человек, собрались и пригласили его на мальчишник в мой дом. Мы попытались напоить его и напоили. А потом услышали сильный грохот в ванной комнате. Мастерс пытался вскрыть вены бритвой. Здесь мы уже потеряли самообладание, и меня направили к губернатору обсудить сложившуюся ситуацию. Губернатор знал, конечно, об этом, но надеялся, что ему не придется вмешиваться. Теперь вопрос стоял так: сможет ли вообще Мастерс находиться на этой службе. Работа его полетела к черту. Жена публично опозорила. Он был конченный человек. Могли ли мы помочь ему? Губернатор был прекрасный человек. Как только ему официально все было доложено, он решил предпринять последнюю попытку, чтобы отсрочить почти неизбежное послание в Уайтхолл, которое бы окончательно поломало судьбу Мастерса. И само Провидение

вмешалось и протянуло руку помощи. Буквально на следующий день после беседы с губернатором из министерства по делам колоний пришла телеграмма, сообщающая, что в Вашингтоне будет проходить совещание по разработке прав на ведение морского рыболовного промысла, на которое приглашались представители Багамских и Бермудских островов. Губернатор вызвал Мастерса, пожурил его по-отечески и сказал ему, что его посылают в Вашингтон и что ему лучше так или иначе утрясти свои семейные дела на следующие шесть месяцев. Мастерс уехал через неделю и сидел в Вашингтоне, обсуждая рыболовные дела, пять месяцев. Мы все вздохнули с облегчением и игнорировали Роду Мастерс, как могли.

Губернатор замолчал, и в большой ярко освещенной гостиной наступила тишина. Он вытащил платок и вытер лицо. Воспоминания взволновали его, глаза ярко блеснули на раскрасневшемся лице. Он поднялся, налил порцию виски с содовой себе и Бонду.

Бонд сказал:

- Ну и дела. Я думал, что рано или поздно что-нибудь подобное должно было случиться, но то, что это случилось так быстро, было ужасным невезением для Мастерса. По-видимому, это была черствая сучка. Она хоть как-то показала, что сожалеет о том, что сделала?

Губернатор зажег новую сигару. Посмотрел на ее горящий конец и подул не него.

- О нет. Она чудесно проводила время. Она, вероятно, знала, что роман не будет продолжаться вечно. Но это было то, о чем она мечтала, о чем мечтают читательницы женских журналов, а для нее был характерен именно такой тип мышления. У нее было все - пальмы, веселое времяпрепровождение в городе и клубе, быстрые прогулки на машине и на скоростном катере, словом, все, что окружает дешевые романы. А в случае нужды - муж-раб, который был к тому же далеко, и дом, где можно было принять ванну, переодеться и отдохнуть. И она знала, что может вернуть Филиппа Мастерса. Он был такой жалкий. Здесь не будет проблем. А потом она извинится перед всеми, снова проявит все свое обаяние, и все простят ее. Все будет хорошо. А если все так не получится, в мире много других мужчин, кроме Филиппа Мастерса, и даже более привлекательных. Только посмотрите на мужчин в гольф-клубе. Она легко может выбрать любого из них. Нет, жизнь была хороша, и если кто-то вел себя не очень хорошо, так вели себя и многие другие. Посмотрите только, как звезды кино ведут себя в Голливуде.

Но вскоре для нас наступили тяжелые времена. Таттерсал слегка устал от нее, да и родители подняли большой шум благодаря вмешательству жены губернатора. Под этим уважительным предлогом Таттерсал расстался с ней без особых сцен. К тому же было лето и на острове было много хорошеньких американок. Наступило время для чего-нибудь новенького. Так что он бросил Роду. Прямо так. Сказал ей, что все кончено. Что его родители настаивают, иначе они перестанут давать ему деньги. Это случилось за две недели до возвращения Филиппа Мастерса из Вашингтона, и я должен сказать, что она приняла это нормально. Рода была сильная и знала, что когда-нибудь это произойдет. Она не плакала. Собственно говоря, некому было и плакаться. Она просто пошла и сказала леди Берфорд, что очень сожалеет, что собирается быть хорошей женой Филиппу Мастерсу и будет делать теперь всю домашнюю работу. Она убралась в доме, привела все в полный порядок, все подготовила для грандиозной сцены примирения. По поведению своих бывших друзей по гольф-клубу она отчетливо поняла необходимость этого примирения. О ней вдруг стали плохо говорить там. Вы знаете, что такие вещи случаются даже в таком гостеприимном месте, как деревенский клуб в тропиках. Теперь не только круг правительственных чиновников, но и торговцы Гамильтона относились к ней с неодобрением. Она вдруг превратилась в дешевую вещь, которой попользовались и

выбросили. Она попыталась снова быть той же веселой маленькой кокеткой, но это больше не срабатывало. Ее сильно унизили раз или два, и она прекратила это. Теперь важно было вернуться на свою надежную базу и медленно начать вновь строить свою жизнь. Она сидела дома и делала это охотно, репетируя снова и снова сцену, которую будет разыгрывать, - слезы, ухаживания стюардессы, долгие, искренние оправдания и объяснения, двуспальная постель.

- И потом Филипп Мастерс приехал домой? Губернатор замолчал и внимательно посмотрел на Бонда.

- Вы не женаты, но я думаю, вы знаете, что таковы любые отношения между мужчиной и женщиной. Они могут сохранять их до тех пор, пока между ними существует какая-то человечность. Когда вся доброта исчезнет, когда одному из них становится откровенно безразлично, жив ли другой или умер, тогда это уже плохо. Такое оскорбление, нанесенное "я" человека или, еще хуже, инстинкту самосохранения, никогда не прощается. Я видел это в сотнях семей. Я видел, как прощаются скандальные измены, как прощаются преступления и даже убийство, не говоря уже о банкротстве и любом другом социальном преступлении, неизлечимая болезнь, слепота, несчастье - все это можно пережить. Но никогда исчезновение обычной человеческой гуманности в одном из партнеров. Я размышлял об этом и придумал довольно высокопарное название этому основному фактору в отношениях между людьми. Я назвал его законом "Квант спокойствия".

- Прекрасное название. Очень впечатляет. Я, конечно, понимаю, что вы имеете в виду, и должен сказать, что вы абсолютно правы. Квант спокойствия это балл успокоения. Да, я думаю, можно сказать, что в конце концов и любовь, и дружба покоятся именно на этом. Человек - существо очень непрочное. Когда кто-то вызывает у вас не только чувство опасности, но и, как вам кажется, хочет уничтожить вас, это, безусловно, конец. Квант спокойствия находится на нуле. Нужно отойти от этого человека, чтобы спасти свою жизнь. Мастерс это понял?

Губернатор не ответил на вопрос. Он сказал:

- Роду, по-видимому, предупредили, что ее муж идет домой, но с первого взгляда она заметила только, что у него теперь нет усов и прическа стала такой же, какой была, когда они познакомились. Но глаза, рот и подбородок - совсем другие. На Роде было самое скромное платье. Лицо почти без косметики. Она села на стул так, что свет из окон как бы скользил по ее лицу, но при этом прямо падал на книгу, лежащую на коленях. Она все продумала и решила, что, когда он войдет, она оторвется от книги и будет смотреть на него спокойно и покорно, ожидая, когда он заговорит. Затем она поднимется, тихо подойдет к нему и, опустив голову, встанет перед ним. Она ему все расскажет, слезы у нее будут катиться градом, он обнимет ее, и она будет давать обещания. Она много раз репетировала эту сцену, пока не была удовлетворена.

В нужный момент она оторвалась от книги. Мастерс тихо опустил чемодан, медленно подошел к камину и остановился, бросая на Роде какой-то отсутствующий взгляд. Глаза его были холодными и безразличными. Из внутреннего кармана пиджака он вытащил листок бумаги и сказал сухо, как агент по недвижимости: "Вот план дома. Я разделил его на две половины. Эта комната и спальня для гостей будут моими. Ты можешь пользоваться ванной, когда меня нет дома". Затем он наклонился и бросил листок бумаги на открытую книгу. "Ты никогда не должна входить в мои комнаты, за исключением тех случаев, когда у нас будут гости".

Рода Мастерс открыла рот, чтобы что-то сказать. Он поднял руку: "Я говорю с тобой наедине в последний раз. Если ты заговоришь со мной, отвечать я не буду. Если тебе нужно будет что-то сообщить, оставишь записку в ванной. Надеюсь, что еда будет приготовлена и подана мне в столовую вовремя. Ты можешь пользоваться столовой после меня. Я буду давать тебе на домашние расходы двадцать фунтов в

месяц. Первого числа каждого месяца мои адвокаты будут посылать тебе эту сумму. Они же готовят сейчас документы на развод. Я развожусь с тобой, но ты не посмеешь подать в суд, потому что не имеешь права. Частный детектив собрал против тебя все доказательства. Суд состоится через год, когда мое пребывание на Бермудах закончится. А пока же на публике мы будем вести себя как обычная супружеская пара". Мастерс засунул руки в карманы и вежливо взглянул на нее. К этому моменту слезы уже градом лились из ее глаз. Она выглядела ужасно испуганно, как будто кто-то ударил ее. Мастерс сказал равнодушно: "Тебя еще что-нибудь интересует? Если нет, собирай свои вещи и переезжай на кухню. - Он посмотрел на часы:

- Я хочу, чтобы обед подавался в восемь. Сейчас половина восьмого".

Губернатор замолчал и сделал несколько глотков виски. - Все это я узнал из краткого рассказа Мастерса и из тех подробностей, которые Рода Мастерс передала леди Берфорд. По-видимому, Рода Мастерс каждый день пыталась заставить его изменить решение - спорила, умоляла, впадала в истерику. Он был непоколебим. Ее слова не доходили до него. Казалось, что он уехал и прислал кого-то вместо себя. И в конце концов ей пришлось согласиться. У нее не было денег. Она не могла вернуться в Англию. Чтобы иметь постель и еду, она должна была делать то, что он ей говорил. Вот так вот. Целый год они так жили, были вежливы друг с другом на публике, но совершенно не разговаривали и не общались наедине. Конечно, мы все удивились этой перемене. Они никому не говорили об этом договоре. Ей было бы стыдно, у него тоже не было оснований делать это. Он казался более замкнутым, чем всегда, но работал отлично, и все вздохнули с облегчением и согласились, что их брак каким-то чудом спасен. Оба они очень выиграли от этого и снова стали популярной парой, и все простилось и было забыто.

Прошел год, и Мастерсу нужно было уезжать. Он объявил, что Рода останется, чтобы закрыть дом. Они дали обычный раунд прощальных вечеров. Все немного удивились, что она не пришла проводить его на пароход, но он сказал, что она плохо себя чувствует. Этому поверили, пока через две недели из Англия не долетела новость о разводе. Тогда Рода Мастерс пришла в губернаторский дом, долго беседовала с леди Берфорд, и постепенно выяснилась вся история, включая действительно ужасную следующую главу.

Губернатор выпил последний глоток виски. Когда он ставил стакан на место, лед звенел в пустом стакане.

- Очевидно, за день до отъезда Мастерс нашел в ванной записку от жены. В ней говорилось, что ей просто необходимо с ним встретиться для последнего разговора перед тем, как он уедет навсегда. Мастерс и раньше получал такие записки, всегда их рвал и оставлял кусочки на полке над раковиной. На этот раз он ответил ей, назначив свидание в гостиной в шесть часов вечера. Когда наступило назначенное время, она робко вошла из кухни. Она уже давно прекратила устраивать сцены и не предпринимала никаких попыток в расчете на его милосердие. Сейчас она спокойно стояла и сказала, что у нее осталось всего десять фунтов из тех денег, что он давал: на ведение хозяйства и больше у нее ничего нет. После его отъезда она останется без средств к существованию. "У тебя есть драгоценности, которые я тебе дарил, и меховая накидка". - "В лучшем случае я за них получу пятьдесят фунтов". - "Тебе придется найти какую-нибудь работу". - "Чтобы найти ее, потребуется время. Мне нужно где-то жить. Я должна оставить этот дом через две недели. Не можешь ли ты хоть что-нибудь мне дать? Мне же придется голодать".

Мастерс посмотрел на нее безразлично. "Ты хорошенькая. Ты никогда не будешь голодать". - "Ты должен мне помочь, Филипп. Ты должен. Если я пойду побираться в губернаторский дом, это не будет способствовать твоей карьере".

В их доме не было ничего своего за исключением некоторых мелочей. Они сняли его с мебелью. Хозяин квартиры приходил неделю назад и обговорил список

вещей. У них осталась только машина "моррис", которую Мастерс купил поддержанной, и магнитофон, который он приобрел в последней попытке развлечь ее еще до того, как она занялась гольфом.

Филипп Мастерс посмотрел на нее в последний раз. Больше он никогда ее не увидит. "Хорошо, ты можешь оставить себе машину и магнитофон. Теперь все. Мне нужно упаковать вещи. Прощай". Он вышел и направился в свою комнату.

Губернатор взглянул на Бонда.

- По крайней мере это последний маленький жест. Да? Губернатор мрачно улыбнулся, - Когда он уехал и Рода осталась одна, она взяла обручальное кольцо, несколько своих безделушек, палантин из лисы и отправилась в Гамильтон, где ходила из одного ломбарда в другой. В конце концов она получила сорок фунтов за драгоценности и семь фунтов за кусок меха. Потом она поехала к торговцу поддержанных машин и попросила о встрече с управляющим. Когда она спросила его, сколько он может дать ей за "моррис", он решил, что она шутит. "Но, мадам, мистер Мастерс купил машину в кредит и очень задолжал нам. Он, конечно, сказал вам, что только на прошлой неделе мы вынуждены были послать ему официальное уведомление об этом: мы услышали, что он уезжает. Он ответил нам, что подъедете вы, чтобы уладить дела. Позвольте мне посмотреть. - Он достал папку и пролистал ее. - Да, он должен за машину точно двести фунтов".

Рода, конечно, расплакалась, и в конце концов управляющий согласился взять машину обратно, хотя она теперь и не стоила двухсот фунтов, он настоял на том, что она должна оставить бензин в баке и все другое. Роде Мастерс ничего не оставалось делать, как согласиться и благодарить за то, что на нее не подают в суд. Она вышла из гаража и, бредя по жаркой улице, уже знала, что ее ждет в радиомагазине. И была права. Повторилась та же самая история, только на этот раз ей пришлось заплатить десять фунтов, чтобы уговорить служащего взять магнитофон обратно. Она наняла машину, которая довезла ее до того места, откуда она могла дойти пешком, и, вернувшись домой, бросилась на постель и проплакала весь день. Она уже была побита. Теперь Филипп Мастерс добил ее. Губернатор, помолчав, продолжил:

- Действительно, очень необычно. Такой человек, как Мастерс, добрый, чуткий, который и муху-то не обидит, теперь совершал один из самых жестоких поступков, которые я когда-либо видел. Это действовал мой закон. - Губернатор слегка улыбнулся. - Как бы она ни согрешила, он не должен был поступать с ней таким образом, если она давала ему этот Квант спокойствия. Как бы то ни было, она пробудила в нем звериную жестокость - жестокость, которая сидит где-то глубоко в каждом из нас, и только угроза нашему существованию может пробудить ее там. Мастерс хотел заставить женщину страдать, но не так, как он страдал, поскольку это было невозможно, а так, как он только смог придумать. А этот вероломный жест с машиной и магнитофоном был бесчеловечным запоздалым поступком, напоминающим ей даже после его отъезда, как он ее ненавидит и как он все еще хочет сделать ей больно.

- Это должно быть ужасно. Просто невероятно, как люди могут так обижать друг друга. Мне становится жаль девушку. Что же случилось с ней в конечном счете и что с ним? - спросил Бонд.

Губернатор встал и посмотрел на часы.

- О Боже, уже почти полночь. И я так поздно задержал весь персонал, - он улыбнулся, - и вас также.

Он подошел к камину и позвонил в колокольчик. Появился негр-дворецкий. Губернатор извинился, что так долго задержал его, и приказал ему все запереть и выключить свет. Бонд поднялся. Губернатор повернулся к нему.

- Пойдемте, и я расскажу вам остальное. Я провожу вас до ворот, чтобы часовой вас выпустил.

Они медленно шли по длинным комнатам и спустились по широкой лестнице к саду. Стояла прекрасная лунная ночь, полная луна стремительно проносилась над их головами сквозь прозрачные и высокие облака.

Губернатор говорил:

- Мастерс продолжал работать в колониальной службе, но он уже никогда не оправдал надежд своего прекрасного начала. После этого случая на Бермудах что-то, казалось, сломалось в нем. Какая-то часть его самого была убита случившимся. Он стал инвалидом. Конечно, не ее вина, но я думаю, что он никогда не смог забыть, что с ней сделал, и это преследовало его. Он хорошо работал, но потерял что-то человеческое и постепенно увял совсем. Конечно, он никогда снова не женился и в конце концов стал заниматься проектом по выращиванию арахиса, а когда это не получилось, ушел в отставку и уехал в Нигерию - назад, к тем единственным в мире людям, которые были добры к нему, назад туда, откуда все началось. Трагедия, конечно, когда я вспоминаю, каким он был в молодости, когда мы начинали.

- А девушка?

- О, у нее было довольно тяжелое время. Мы пустили шапку по кругу. Она выполняла разную работу, в основном благотворительную. Она хотела снова работать стюардессой, но то, каким образом она порвала контракт с Британской авиакомпанией, не позволило ей даже подать документы. В то время было не так много авиакомпаний и не было недостатка среди желающих работать стюардессами. Немного позже, в том же году, Берфордов перевели на Ямайку, и с ними исчезла ее опора. Как я говорил, леди Берфорд всегда относилась к ней снисходительно. Рода Мастерс была почти нищей. Она все еще хорошо выглядела, и разные мужчины содержали ее в течение какого-то времени, но в таком маленьком местечке, как Бермуды, невозможно долго ходить по кругу. Она чуть не превратилась в проститутку и не попала в беду с полицией, когда судьба вновь вмешалась и решила, что она достаточно наказана. Пришло письмо от леди Берфорд с билетом до Ямайки, в котором" говорилось, что леди Берфорд нашла ей место регистраторши в отеле "Блу-Хиллз", одном из лучших отелей Кингстона. Итак, она уехала, к тому времени я был переведен в Родезию, и, думаю, Бермуды были счастливы распрощаться с ней.

Губернатор и Бонд подошли к входным воротам. За ними сверкали под луной белым, черным и розовым цветом узкие улочки и симпатичные деревянные дома с позолоченными фронтонами и балконами. Это - Нассау. Громко стуча каблуками, часовой встал по стойке "смирно" и взял на караул. Губернатор поднял руку.

- Все в порядке. Вольно.

И опять часовой с грохотом растворился в темноте, и наступила тишина.

Губернатор продолжал:

- И это конец истории, за исключением одной последней причуды судьбы. Однажды в отеле "Блу-Хиллз" появился канадский миллионер, который прожил там всю зиму. Затем он отвез Роду Мастерс в Канаду и женился на ней. С тех пор она живет припеваючи.

- Боже мой, это действительно удача. Едва ли заслуженная.

- Не могу с этим согласиться. Трудно сказать. Жизнь - хитрая штука. По-видимому, судьба решила, что Рода достаточно заплатила за все то, что она сделала Мастерсу. Возможно, во всем были виноваты родители Мастерса. Они превратили его в человека, с которым должно было случиться несчастье. Он неизбежно должен был потерпеть эмоциональный крах, они именно так воспитали его. Судьбе было угодно выбрать Роду как своего исполнителя. И теперь судьба оплатила ее услуги. Трудно судить об этих вещах. Во всяком случае она осчастливила своего канадца. Сегодня оба выглядели счастливыми.

Бонд засмеялся. Неожиданно драматические события его собственной жизни показались ему незначительными. Дело повстанцев Кастро и сожженные суда

годились только для приключенческой рубрики дешевой газеты. На скучном обеде он сидел рядом со скучной женщиной, и случайное замечание приоткрыло ему книгу настоящих страстей - человеческой комедии, где человеческие страсти искренние и настоящие, где судьба ведет более естественную игру, чем придуманный правительством заговор любой разведки.

Бонд повернулся к губернатору и протянул ему руку.

- Спасибо за рассказ. И я должен извиниться перед вами. Мне показалось, что миссис Гарвей Миллер скучный человек. Благодаря вам я ее никогда не забуду. Я должен быть более внимательным к людям. Вы преподнесли мне урок.

Она обменялись рукопожатием. Губернатор улыбнулся.

- Я рад, что история заинтересовала вас. Я боялся, что вам будет скучно. Вы ведете очень интересную жизнь. По правде говоря, я всю голову сломал, думая, о чем мы можем говорить после обеда. Жизнь в колониальной службе очень скучная.

Они попрощались. Бонд шел вдоль тихой улицы по направлению к порту и гостинице британской колониальной службы. Он думал о встрече с представителями береговой охраны и ФБР, которая состоится у него утром в Майами. Перспектива, которая раньше его интересовала и даже волновала, казалась теперь скучной и бесполезной.